
Пол Андерсон
Врата летающих ножей

Врата летающих ножей
Пол Уильям Андерсон

Аннотация
Пол Андерсон. Врата летающих ножей

Аннотация

Каппен Варр — бард из Санктуария. Он лентяй и повеса, но те из его слушателей, кто разбираются в искусстве, считают его талантливым малым. Как всякий поэт, он влюбчив, но неверен. Вот вам портрет главного героя этого рассказа.

Цикл «Каппен Варра», цикл «Мир воров»

Пол Андерсон
Врата летающих ножей

Снова без денег, без дома и без женщины Каппен Варра, пробиравшийся сквозь базарную толчею, по-прежнему выглядел великолепно. В конце концов до сего дня он в течение нескольких недель при первой возможности бывал в доме Молина Факельщика, хотя так и не смог попасть в число домочадцев. Помимо присутствия нравящейся ему фрейлины Данлис, он получал щедрые награды от жреца-строителя всякий раз, когда пел песню или сочинял стихотворение. Неожиданно его положение переменилось, но Каппен Варра по-прежнему был одет в ярко-зеленую тунику, алый плащ, канареечно-желтые чулки, мягкие полусапожки, отделанные серебром, и берет с пером. Хотя, естественно, от случившегося щемило сердце, переполненное опасениями за возлюбленную, поэт пока не видел причин продавать свой наряд. У него в запасе немало способов занять деньги, чтобы прожить столько, сколько потребуется для того, чтобы отыскать Данлис. В случае необходимости, как уже случалось прелюде, он сможет заложить арфу, в настоящий момент находящуюся в починке у золотых дел мастера.

Если его предприятию не будет сопутствовать успех к тому времени, как он останется в лох-

мотьях, тогда придется признать, что Данлис и госпожа Розанда потеряны навсегда. Но не в обычаях менестреля было скорбеть о будущей печали.

Базар шумел и бурлил под клонящимся к западу солнцем. Купцы, ремесленники, носильщики, слуги, рабы, жены, кочевники, куртизанки, лицедеи, нищие, воры, жулики, колдуны, жрецы, воины и кто там еще слонялись, болтали, спорили, ссорились, строили козни, пели, играли, пили, ели и много еще чего делали. Всадники, погонщики верблюдов, караванщики проталкивались сквозь толпу, вызывая потоки ругани. Из винных лавок лилась музыка. Торговцы из-за прилавков превозносили свои товары, соседи кричали друг на друга, блаженные распевали, устроившись на плоских крышах. Воздух был пропитан запахами тел, пота, жареного мяса и орехов, ароматных напитков, кожи, шерсти, навоза, дыма, масел и дешевых духов.

Обычно Каппен Варра наслаждался этим убого-пестрым зрелищем. Сейчас же он целенаправленно обыскивал его взглядом. Разумеется, он был постоянно настороже, как любой другой в Санктуарии. Едва до него дотронулись чьи-то легкие пальцы, он тут же понял все. Но, если

раньше Каппен Варра усмехнулся бы и сказал воришке: «Прости, дружок, я-то надеялся стащить что-нибудь у тебя», сейчас он так сурово похлопал по своему мечу, что несчастный отпрянул назад, столкнувшись с толстой женщиной и заставив ее выронить медный кувшин, полный цветов. Вскрикнув, женщина начала колотить воришку кувшином по голове.

Каппен не стал задерживаться, чтобы посмотреть на это.

У восточного края торговой площади ой нашел ту, кого искал. В который раз Иллира находилась в плохих отношениях со своими собратьями по ремеслу, и ей пришлось переместиться на свободное место. Стена из кирпича-сырца была завещана черным бархатом. Зловония от находящейся по-соседству дубильни полностью поглощали ароматы благовоний, которые С'данзо жгла в курильне особой формы.

Кроме того, девушка не могла внушить благоговейный ужас, который навевали прочие колдуньи, чародеи, предсказатели, прорицатели и им подобные. Она была слишком молода, в пестрых пышных одеяниях С'данзо она выглядела бы печальной, если бы не была так прекрасна.

Каппен отвесил ей поклон, как это принято в

Каронне.

— Добрый день, прекрасная Иллира, — сказал он.

Не поднимаясь с подушек, девушка улыбнулась ему.

— Добрый день, Каппен Варра.

До этого они разговаривали друг с другом несколько раз, в основном шутливо, и поэт несколько раз пел, развлекая ее. Он был бы не прочь получить нечто большее, но Иллира держала всех мужчин на расстоянии, а громила-кузнец, судя по всему, обожающей ее, следил, чтобы к ее желаниям относились с уважением.

— Давненько тебя не встречали в здешних краях, — заметила Иллира. — Чье состояние оказалось настолько большим, что заставило тебя забыть старых друзей?

— Пропади пропадом это состояние, раз оно не оставляло мне времени на то, чтобы приходить сюда и обнимать тебя, милая, — привычно ответил Каппен.

Шутливость оставила Иллиру. Ее оливковая кожа и каштановые волосы оттеняли большие глаза, которые впились в посетителя.

— Ты нашел время, когда попал в беду и тебе понадобилась помощь, — сказала девушка.

Никогда прежде не обращался к ней поэт за предсказанием судьбы, как, впрочем, и ко всем остальным гадалкам и прорицателям Санктуария. В Каронне, где он вырос, большинство людей не верили в сверхъестественные силы. Позднее, во время своих странствий Каппен Варра встречался с необъяснимым достаточно часто, чтобы его скептицизм поколебался. Несмотря на пережитое потрясение, он почувствовал, как у него по спине пробежала холодная дрожь.

— Ты прочла мою судьбу, даже не войдя в транс?

На лицо девушки вернулась улыбка, но на этот раз она получилась бледной.

— О нет. Это достаточно просто. В Лабиринт просочились слухи, что ты живешь в квартале ювелиров и стал частым гостем в доме Молина Факельщика. Сейчас ты появился сразу же по пятам других слухов — вчера у жреца похитили его жену — понятно, это не могло не затронуть тебя самого!

Каппен кивнул.

— Да, и как затронуло! Я потерял… — он запнулся, сомневаясь, разумно ли будет сказать «свою любовь» этой девчонке, чье очарование он так откровенно хвалил.

— …свое положение и доход, — отрезала Иллира. — Верховный жрец сейчас не настроен слушать песни менестрелей. Полагаю, его супруга особо выделяла тебя. Не гадая, скажу, что свои заработки ты тратил так же быстро, как и получал — или даже быстрее, задолжал с платой за жилье и соответственно оказался вышвырнут на улицу, как только слухи достигли хозяина. Ты вернулся в Лабиринт, потому что тебе некуда больше идти, и пришел ко мне в надежде, что тебе удастся выудить из меня какую-нибудь наводку — ибо: если тебе удастся вернуть даму, ты вместе с ней возвратишь и собственное благополучие.

— Нет-нет-нет, — возразил поэт. — Ты судишь обо мне превратно.

— Верховный жрец обратится лишь к своим богам, богам Рэнкана, — продолжала Иллира, и тон ее сменился с измученного на задумчивый. Она почесала подбородок. — Он, приближенный Императора, прибывший сюда для руководства возведением храма, который должен будет превзойти храм бога Ильса, едва ли может просить помощи у прежних богов Санктуария, не говоря уже о колдунах, чародеях и прорицателях. Но ты, забредший сюда из царств Дальнего Запада, не принадлежишь Империи… и можешь искать

помощи где угодно. Мысль эта твоя собственная, иначе жрец ненавязчиво вручил бы тебе немного золота, и ты обратился бы к предсказателю с лучшей репутацией.

Каппен развел руками.

— Дорогая девочка, ты рассуждаешь просто чудо как хорошо, — согласился он. — Но в отношении мотива ты ошиблась. О да, я был бы рад подняться в глазах Молина, получить щедрое вознаграждение и так далее. К тому же, я сочувствую ему, несмотря на внешнюю суровость, он неплохой человек и тоже раним. Еще больше я сочувствую его супруге, которая действительно была добра ко мне и которую умыкнули неизвестно куда. Но самое главное… — он стал совершенно серьезен. — Госпожа Розанда была похищена не одна. Вместе с ней исчезла ее фрейлина, Данлис. А эта Данлис — именно ее я люблю, Иллира, и на ней собирался жениться.

Пристальный взгляд девушки пытливо изучал его. Она видела молодого мужчину среднего роста, стройного, но крепкого и проворного. (Этим Каппен был обязан образу жизни, который вел, по природе своей он был лентяем во всем, кроме постели.) У него была овальной формы голова, черты лица тонкие и правильные, глаза ярко-

голубые, он был гладко выбрит, а перевязанные черные волосы ниспадали на плечи. Произношение его подчеркивал мелодичный акцент, словно повествующий о белых городах, зеленых полях и лесах, серебряных озерах, синем море, о родине, которую поэт покинул в поисках своего счастья.

— Что ж, очарования тебе не занимать, Каппен Варра, — пробормотала девушка, — и ты знаешь об этом.

И тут же встревоженно добавила:

— А вот с монетами у тебя плохо. Как ты собираешься расплачиваться со мной?

— Боюсь, тебе, как и мне, придется поработать, лишь веря в то, что ты получишь вознаграждение, сказал Каппен. — Если наше совместное усилие приведет к освобождению госпожи Розанды, мы разделим пополам всю полученную в этом случае награду. Твоя доля, возможно, позволит тебе купить дом на Тропе Денег.

Иллира нахмурилась.

— Это правда, — продолжал он, — я получу больше, чем только свою долю благодеяния, которым сразу же одарит нас Молин. Я получу назад возлюбленную. Кроме того, я верну расположение жреца, что обеспечит меня постоянным умеренным доходом. Так что, думай. Тебе надо

будет лишь применить свое искусство. Все дальнейшие усилия и риск будут моими.

— Что заставляет тебя предположить, что скромная гадалка сможет узнать больше, чем ищейки Принца-губернатора? — спросила Иллира.

— Сдается, это дело не попадает под их юрисдикцию, — ответил поэт.

Девушка подалась вперед, напрягшись под многочисленными слоями одежды. Каппен наклонился к ней. Казалось, что гомон базара затих, оставив двоих людей наедине с их заботами.

— Меня там не было, — тихо сказал Каппен Варра, — но я прибыл туда сегодня рано утром, сразу же после того, как все произошло. По городу поползли слухи, произошла утечка, которую нельзя заткнуть — домашние слуги болтают своим знакомым, те распространяют дальше. Молин решил скрыть большинство фактов до тех пор, пока не сможет их объяснить, если такое вообще когда-нибудь произойдет. Я же появился на месте случившегося, когда там еще царил хаос. Никто не мешал мне разговаривать с людьми, пока сам хозяин не увидел и не прогнал меня. Поэтому я знаю не больше других, как бы мало это ни было.

— И?.. — подтолкнула его Иллира.

— И создается впечатление, что это похищение совершено не людьми нашего мира и не ради понятной нам цели, вроде выкупа. Смотри сама. Особняк хорошо охраняется, и ни Молин, ни его жена никогда не покидали его без сопровождения. Цель пребывания здесь жреца менее чем популярна, насколько тебе известно. Стражники прибыли из Рэнке и неподкупны. Дом стоит посреди сада, за высокой стеной, по верху которой ходят часовые. С наступлением темноты во двор спускают трех леопардов.

У Молина были дела с Принцем, и он провел ночь в его дворце. Его супруга госпожа Розанда осталась дома, легла спать, затем встала и пожаловалась, что не может заснуть, разбудила Данлис. Данлис — не горничная, каких много. Она секретарь, советник, доверенный человек, сборщик информации, помимо этого, она переводчик — о, она отрабатывает свое жалование, моя Данлис! Несмотря на то, что как у меня, у нее работа формально считается дневной, Данлис постоянно приходится вскакивать с постели, выполняя причуды госпожи Розанды: то требуется подержать ее за руку, то писать письма под диктовку, то почитать успокаивающую книгу — но

я уклоняюсь от сути дела. Нужно сказать, что обе женщины поднялись в комнату на верхнем этаже, оборудованную как солярий и кабинет. Туда ведет только одна лестница, и это единственная комната наверху. Да, там есть балкон, и так как ночь стояла теплая, дверь на него, как и окна, была открыта. Но я изучил стену здания под балконом. Она облицована мраморными плитами, украшенными только цветным рисунком, на ней нет ни плюща, ни чего другого, по чему можно было бы взобраться кому-либо крупнее мухи.

Тем не менее… незадолго перед тем, как восток побледнел, послышались пронзительные крики, стражники бросились к лестнице, поднялись наверх. Внутреннюю дверь пришлось выбивать, так как она оказалась закрытой на засов. Полагаю, сделано это лишь для того, чтобы им не мешали, так как никто не чувствовал никакой угрозы. В солярии царил разгром: повсюду валялись разбитые вазы, в крови лежали обрывки одежды. Ах, Данлис, по крайней мере, сопротивлялась. Но и она, и ее госпожа исчезли.

Двое дозорных в саду доложили, что слышали громкие звуки, похожие на хлопанье крыльев. Ночь была темной и облачной, и ничего определенного они не смогли разглядеть. Возможно, им

просто показалось. Примечательно то, что леопардов обнаружили забившимися в угол, и звери радостно встретили своего укротителя, который пришел, чтобы отвести их в клетки.

— Вот и все, что известно мне, Иллира, — закончил Каппен. — Умоляю, помоги мне, помоги вернуть возлюбленную!

Девушка долго молчала. Наконец произнесла, почти прошептала:

— Возможно, дело очень плохо, и мне не хочется даже слышать о нем, не говоря уж о том, чтобы ввязываться.

— А может быть, и нет, — не отставал Каппен.

Иллира пыталась занять твердую позицию.

— Народ, к которому принадлежала моя мать, считает, что оказание каких бы то ни было услуг шаваху — человеку чужой крови — без вознаграждений приносит несчастье. Мольбы в счет не идут.

Каппен усмехнулся.

— Что ж, я мог бы пойти к ростовщику и… но нет, время может быть дороже рубинов, — разорвав глубины несчастья, на его лице появилась хитрая улыбка: — Стихи ведь тоже имеют цену, верно? У вас, С'данзо, тоже есть свои баллады и песни о любви. Позволь мне сочинить стихотво-

рение, Иллира, которое будет твоим и только твоим.

У девушки мгновенно изменилось лицо.

— Правда?

— Правда. Дай подумать… Ага, начнем так.

И, сжав руку Иллиры, Каппен зашептал:

Моя милая приходит ко мне подобно рассвету.

Во тьме я рассуждаю, не случится ли так, она задержится, Но вот ее яркое знамя прогоняет Хозяев страны теней с дороги.

Вырвавшись, девушка воскликнула:

— Нет, ты обманщик, это было написано твоей Данлис — или какой-нибудь женщине до нее, которую ты хотел завлечь к себе в постель…

— Но стихотворение не закончено, — возразил поэт. — Я завершу его для тебя, Иллира.

Гнев оставил ее. Покачав головой, она щелкнула языком и вздохнула.

— Не стоит. Ты неисправим. А я… лишь наполовину С'данзо. Ладно, я попробую взяться за твое дело.

— Клянусь всеми богинями любви, о каких я только слышал, — неуверенно пообещал Каппен, — когда все закончится, ты действительно получишь посвященное тебе стихотворение.

— Стой на месте, — приказала Иллира. — Гони

всякого, кто будет приближаться.

Он обернулся и обнажил меч. На самом деле узкое прямое лезвие вряд ли требовалось, так как в радиусе нескольких ярдов не было никаких торговых мест, и поэта от толпы отделяла широкая полоса голой земли. И все же стиснутая рукоять дала ему ощущение долгожданного продвижения вперед. Первые несколько часов Каппен чувствовал себя беспомощным, лишенным надежды, словно его милая действительно умерла, а не… не что? Позади себя он слышал шелест карт, стук костей, тихое завывание.

Вдруг Иллира издала сдавленный крик. Каппен стремительно обернувшись, увидел, как кровь отхлынула от ее лица, ставшего из оливкового серым. Собравшись с силами, девушка вздрогнула.

— Что-то случилось? — выпалил Каппен, объятый новым ужасом.

Иллира не смотрела на него.

— Уходи, — тихо выдавила она. — Забудь, что ты вообще знал эту женщину.

— Но… но что?

Наконец, Иллире удалось собраться с мыслями, чтобы выпалить:

— Я не знаю. Не смею знать. Я просто маленькая девушка-полукровка, владеющая несколькими

колдовскими приемами и шестым чувством, и… я увидела, что случившееся выходит за рамки пространства и времени, в нем задействована сила, превосходящая все земные магии — больше тебе сможет сказать только Инас Йорл, и только он, — мужество покинуло ее. — Уходи прочь! — крикнула она. — А то я кликну Даброу с его кувалдой!

— Прошу прощения, — сказал Каппен Варра, торопясь выполнить это требование.

Он углубился в извилистые улочки Лабиринта. Они были узкие. Большинство обступивших его мрачных зданий были высокими, квартал уже охватил полумрак. Поэт словно вновь забрел в ту ночь, когда исчезла Данлис… Данлис, творение солнца и бескрайних просторов… Если она еще жива, помнит ли она их последнюю встречу, так, как вспоминает о ней он — мечта, приснившаяся столетия назад?

В тот день у Данлис был выходной, и она захотела осмотреть местность к северу от города. Каппен возражал по трем причинам. О первой он не упоминал: это путешествие потребует значительных усилий, он запылится, пропотеет и устанет от длительного пребывания в седле. Девушка же презирала мужчин, которые были,

по крайней мере, не столь же сильны, как она сама, если только они не компенсировали свою немощь почтенным возрастом и ученостью.

На вторую он намекнул. Несмотря на общую грязь, царящую в Санктуарии, поэт знал несколько мест, где мужчина и женщина могли насладиться друг другом — с уютом, наедине, таким, например, был его дом. Данлис улыбкой выразила свой отказ. Ее семья принадлежала к старинной знати Рэнке, а не к новым богатеям, и девушку воспитали в суровых традициях. Хотя ее отец и столкнулся с трудными временами, и ей пришлось наняться в услужение, Данлис берегла свою честь и гордо заявляла, что отдаст девственность только законному супругу. До сих пор на пылкие заверения Каппена она отвечала лишь признанием того, что он ей нравится, и ей приятно бывать в его обществе, но не сменить ли им тему? (Пышная госпожа Розанда, похоже, была более доступна, но поэт благоразумно не выходил за рамки веселой корректности.) Каппен был уверен, что девушка все больше уступает жажде получить наслаждение, ибо ее патрицианская сдержанность убывала с каждой их встречей. И все же Данлис не могла полностью забыть, что он был незаконнорожденный сын мелкого

дворянина какой-то далекой страны, лишенный наследства и ставший бродягой-менестрелем.

Третье возражение поэт посмел высказать. Несмотря на то, что во внутренних землях Санктуария было спокойно. Молин Факельщик пришел бы в ярость, узнав, что женщина, принадлежащая к его челяди, выехала из города в сопровождении всего лишь одного вооруженного мужчины, к тому же не очень опытного воина. Данлис, усмехнувшись, сказала:

— Я могу попросить поехать с нами сменившегося стражника. Но у тебя есть интересные друзья, Каппен. Неужели среди них нет бойца?

Следует отметить, таких знакомых у него было множество, но сомнительно, чтобы Данлис обрадовалась поездке в их компании — за единственным исключением. К счастью. Рыжий Джеми не был занят и согласился присоединиться. Каппен распорядился на кухне, чтобы приготовили еды в дорогу на четверых.

Девушки Джеми остались дома, эта поездка была не для них, к тому же солнце могло неблагоприятно сказаться на их внешности. Каппен считал, что со стороны северянина довольно неприлично никогда не делиться своими девушками. Это вынуждало его, Каппена, значительно

тратиться на Улице Красных Фонарей, так как он не мог содержать любовницу, обхаживая тем временем Данлис. В остальном поэт любил Джеми. Они познакомились после того, как Розанда, случайно услышав пение менестреля, пригласила его к себе. Каппен поселился в квартале ювелиров, и оказалось, что Джеми живет по-соседству.

Три лошади и вьючный мул зацокали из города нарождающимся утром под звон колокольчиков упряжи. Но это веселье не находило отклика в голове Каппена, поэт, как обычно, пропьянствовал далеко за полночь, и предпочел выехать лишь после полудня. Он безучастно слушал Джеми.

— Да, сударыня, там, откуда я родом, живут горцы, народ бедный, но гордый. Возможно, кто-то назовет нас варварами, но сказать такое вслух решится не каждый. Наши сказания, песни, законы, уклад жизни, боги такие же древние, как мир, и ничуть не хуже других. Нам не достает учености южан, но многое ли известно вам из того, что знаем мы? Пожалуйста, поймите, я не хвастаю. Во время своих странствий я видел много чудес. Но твердо заверяю: у нас дома тоже есть кое-что интересное.

— Я бы хотела услышать про это, — откликнулась Данлис. — В Империи ничего не известно

о вашей стране, кроме упоминания в хрониках Венафера и Маттатана и «Естественной истории» Кайявеша. Как случилось, что вы попали сюда?

— Ох-хо-хо, я младший сын нашего правителя, и я решил немного повидать мир перед тем, как пустить корни. Я не сколотил состояния, о котором стоит говорить, но доставая деньги там и сям, занимая то тут, то там на то-се, я неплохо перебиваюсь.

Джеми помолчал.

— Вы — о, вы гораздо больше можете рассказать, сударыня. Вы родились в столице Империи, учились по книгам, и тем не менее приехали сюда, чтобы самой увидеть, да что походит земля, горы, растения и животные.

Каппен решил, что ему следует вмешаться в разговор. Не то чтобы Джеми мог обойти друга, да и Данлис не могла увлечься диким горцем. И все же…

Джеми был по-своему красив. Он был крупного телосложения, на голову выше Каппена и непропорционально широк в плечах. Его неуклюжая внешность была обманчива — бард выяснил это, когда они вместе занимались упражнениями в публичном гимнастическом зале — крепкие кости приводились в движение дубово-твердыми

мышцами. Броская рыжая грива отвлекала внимание от немного детского лица, мягких голубых глаз и несколько самоуверенного поведения. Сейчас Джеми был одет просто, в тунику и шаровары на помочах, но нож за поясом и притороченный к луке седла топор бросались в глаза.

Что касается Данлис — что ж, что может сделать поэт кроме как сражаться со словами, чтобы сделать осязаемым ее торжествующий дух? Девушка была высокой и стройной, с алебастровой кожей, черты ее лица казались почти холодными в совершенстве прямых линий — до тех пор, пока вы не замечали больших серых глаз, высоко уложенных золотистых волос, изгиб губ, откуда доносился хрипловатый голос. (Как часто Каппен не мог заснуть, мечтая об этих губах! Он утешал себя воспоминанием о сильной руке, покрытой нежным узором синих вен, которую девушка все же позволяла ему целовать.) Несмотря на липкую жару и пыль, поднимавшуюся из-под копыт, ее длинным костюм для верховой езды оставался безукоризненным, и ни бисеринки пота не выступило на коже.

К тому времени, как Каппену удалось оторвать себя от постели, где он еще мысленно храпел, разговор зашел о богах. Данлис интересовали

божества родины Джеми, как впрочем и многое другое. (Все же некоторые темы она отвергла, как бесполезные.) Джеми, в свою очередь, не терпелось услышать объяснение по поводу того, что происходило в Санктуарии.

— Я слышал только одну точку зрения, а Каппен к этому безразличен, — сказал он. — В народе поговаривают о вашем хозяине — Молине, его ведь так зовут?

— Он мне не хозяин, — уточнила Данлис. — Я свободная женщина, помогающая его супруге. А сам он — Верховный Жрец в Рэнке, а также зодчий.

— Зачем Император гневит Санктуарий? В большинстве мест, где я бывал, губернаторы поступают благоразумнее. Они оставляют местных богов в покое.

Данлис стала задумчивой.

— С чего бы начать? Вне всяких сомнений, вам известно, что первоначально Санктуарий был городом в королевстве Илсиг. Поэтому здесь возводились храмы в честь богов Илсига — в первую очередь, Ильса, бога богов, и его супруги Шипри — Матери всего, но и в честь других тоже — Анена, дарителя урожая, Туфира, хранителя странников…

— Но не в честь Шальпы, покровителя всех воров, — вставил Каппен, — хотя в настоящее время у него приверженцев больше, чем у всех остальных.

Данлис пропустила эту шутку мимо ушей.

— Рэнке — совершенно другая страна, над нею властвуют совсем иные боги, — продолжала она. — Главные из них — Саванкала, его верная спутница — Сабеллия, госпожа звезд, их сын Вашанка — убийца десяти братьев и его сестра Азиуна — боги бури и войны. Согласно Венаферу, именно они в конце концов сделали Рэнканскую Империю превыше всех. Маттатан более прозаичен и утверждает, что порожденный ими материальный дух ответственен за то, что Рэнке поглотила Илсиг.

— Да, сударыня, да, я слышал это, — сказал Джеми, а Каппен мысленно отметил, что если и есть у ее возлюбленной недостаток, то это ее любовь к поучениям.

— С тех пор Санктуарий изменился, — продолжала девушка, город стал многоязычным, кипучим, продажным, язвой на теле общества. Но самое плохое в нем — процветающие чужие культы, не говоря уже о некромантах, ведьмах, шарлатанах и прочих паразитах на теле простого

народа. Давно пора восстановить законность. Никто кроме Империи не сможет сделать это. Необходимой предпосылкой является утверждение имперской религии, богов Рэнке, чтобы все могли видеть их: символ, объединяющий принцип.

— Но Империя ведь имеет свои храмы, — возразил Джеми.

— Маленькие, убогие, годные лишь на то, чтобы удовлетворять нужды рэнканцев, очень немногие из которых остаются в городе надолго, — парировала Данлис. — Какое почтение могут внушить эти храмы к рэнканским божествам и всему государству? Нет. Император решил, что у Саванкалы и Сабеллии должен быть самый большой, самый щедро отделанный храм во веси провинции. Его возведет и освятит Молин Факельщик. И тогда все проходимцы и шарлатаны будут изгнаны из Санктуария. И тогда Принц-губернатор справится с обыкновенным жульем.

Каппен не ожидал, что все окажется настолько просто. У него не оказалось возможности сказать об этом, так как Джеми тотчас же спросил:

— Разумно ли это, сударыня? Воистину, многие здесь поклоняются чужеземным богам или вообще не верят ни в кого. Но многие по-преж-

нему чтят древних богов Илсига. Они смотрят на вашего… э… Саванкалу как на захватчика. Не обижайтесь, но это так. Люди приходят в ярость от того, что у него будет более величественный храм, чем у Ильса-тысячеглазого. Некоторые опасаются того, что может предпринять по этому поводу Ильс.

— Знаю, — сказала Данлис. — Сожалею о той печали, которую это вызывает, и, уверена. Молин тоже. И все же мы должны победить приспешников тьмы до того, как зараза, которую они сеют, распространится на всю Империю.

— О нет, — ухитрился вставить Каппен, — я здесь уже пожил некоторое время, в основном в Лабиринте. Я имел дело с множеством так называемых волшебников обоего пола или бесполых. Они не настолько плохи. Большинство, я бы сказал, вызывают жалость. Они просто пользуются своими штучками, чтобы наскрести на жизнь в этом пестром городе, где им пришлось осесть.

Данлис пристально взглянула на него.

— Ты же говорил мне, что в Каронне люди плохо относятся к чародейству, — сказала она.

— Это так, — признал поэт. — Но это потому, что мы склонны к реализму и считаем почти всю магию набором дешевых уловок. Что отчасти вер-

но. Знаете, я сам выучился нескольким трюкам.

— Неужели? — удивленно воскликнул Джеми.

— От нечего делать, — поспешно сказал Каппен, до того, как Данлис смогла выразить неодобрение. — Некоторые являются весьма изящными и тонкими упражнениями пространственной геометрии.

Увидев пробудившийся у девушки интерес, он добавил:

— В детстве я изучал математику, мой отец хотел дать мне приличествующее благородному происхождению образование. Большая часть его давно утеряна, но полезные или красивые моменты запомнились.

— Что ж, придет пора обеда, ты устроишь для нас представление, — предложил Джеми.

Когда они устроили привал, Каппен исполнил просьбу. Они остановились среди холмов в долине реки Белая Лошадь. Река, сверкая, извивалась между сельскими угодьями, чья пышная зелень отвергала начинающуюся сразу же за горизонтом пустыню. Полуденное солнце пекло землю, и та испускала щедрые запахи: гумуса, смолы, сока диких растений. Одинокий платан любезно предоставил тень. Жужжали пчелы.

После трапезы и того, как Данлис поползала на

четвереньках, исследуя еще не виданную ею ящерицу. Каппен продемонстрировал свое умение. Девушку особенно захватили — просто поразили — его геометрические упражнения. Как и всякая Рэнканская дама, Данлис носила с собой мешочек с рукоделием, а по долгу своей службы она не расставалась с письменными принадлежностями. Поэтому Каппен смог получить ножницы, иголку с ниткой и бумагу. Он показал, как можно разрезать одно кольцо, чтобы получилось два переплетенных между собой, как можно свернуть полосу так, что у нее будет одна поверхность и один край, и все остальное, что знал. Джеми также наблюдал с удовольствием, хотя и с меньшим воодушевлением.

Увидев, как Данлис засияла от восторга, Каппена посетило вдохновение продолжить последнее стихотворение, которое он написал для нее. Работа продвигалась медленнее, чем обычно. Был готов общий замысел, лейтмотив, сравнение девушки с зарей, но до сих пор ему удалось написать лишь несколько строк, и он еще не придумал форму. И вот!

Но вот ее яркое знамя прогоняет Хозяев страны теней с дороги, Которую она хочет пройти — ибо что выстоит От лучистого триумфа в ее руках?

Да, очевидно, это будет рондо. Значит, следующие строчки получаются такими:

Моя милая приходит ко мне подобно рассвету.

Во тьме я рассуждаю, не случится ли так, что она задержится.

Каппен как раз дошел до этого места, как Данлис внезапно сказала:

— Каппен, наше путешествие так прекрасно, здесь такой великолепный вид. Я бы хотела завтра посмотреть на восход солнца над рекой. Ты не проводишь меня?

Восход солнца? Но девушка уже говорила Джеми:

— Нам, нет нужды беспокоить вас. Я намереваюсь прогуляться от города до моста. Мы выберем соответствующую дорогу, охраняемую и совершенно безопасную.

В этот час движение по дороге будет редким, к тому же, монументальные скульптуры вдоль моста стоят в нишах, совершенно их загораживая…

— О да, разумеется, Данлис, с превеликой радостью, — сказал Каппен. Ради такой возможности он проснется раньше первых петухов.

…Когда он пришел в дом Молина, девушки там уже не было.

Уставший от разговора с Иллирой Каппен еле

дотащился до «Распутного Единорога» и поведал о своих печалях Культяпке. Верзила заступил на смену в трактире раньше обычного, так как его напарник еще не справился с последствиями разборки с клиентом. (Вскоре после стычки этого клиента нашли плавающим вверх спиной под причалом. Культяпку никто не расспрашивал по этому поводу, его завсегдатаи знали, что он содержит свое заведение в порядке, хотя и не всегда законным образом.) Трактирщик предложил Каппену немногословное сочувствие и койку в долг наверху. Поэт едва ли заметил насекомых, разделивших с ним ложе.

Проснувшись перед закатом, он отыскал воду и полотенце, после чего почувствовал себя посвежевшим — а также голодным и умирающим от жажды. Он спустился в пивной зал. Возле окон и открытой двери полумрак был синим, под сводами черным. Дрожащее пламя свечей тускло освещало стойку и столики вдоль стен. Прохладный воздух смешивался со смрадом Лабиринта. Каппен остро ощутил запахи пива, старого в тростниковой подстилке на полу, и свежего от трех мужчин, пьянствующих в углу, а также наезженного на вертел мяса, доносящийся с кухни.

Подошел Культяпка, черная тень с отблесками

на лысой макушке.

— Садись, — проворчал он. — Ешь. Пей.

Он принес большой кувшин и тарелку с ломтем жареного мяса и хлебом. Поставив все это на столик в углу, он опустился на стул.

Каппен тоже сел и сразу же набросился на еду.

— Ты очень любезен, — произнес он, откусывая и запивая.

— Расплатишься, когда будут деньги, а если их не будет, то споешь или покажешь фокусы. Это идет на пользу делу.

Умолкнув, Культяпка уставился на своего гостя.

Когда певец покончил с едой, трактирщик сказал:

— Пока ты спал, я отправил пару ребят, чтобы они поспрашивали в округе. Возможно, кто-нибудь видел что-то интересное. Не волнуйся — я не упоминал тебя. Естественно, мне тоже любопытно узнать, что же произошло на самом деле.

Менестрель уставился на него.

— Я доставил тебе немало хлопот.

— Я же сказал, мне самому хочется знать. Если это проделки бесовских сил, то кто следующий? — Культяпка провел пальцем по беззубой десне. — Ясное дело, если тебе повезет — я не

верю в это, но все равно — не забудь, кто дал тебе первый толчок.

В дверях появился посетитель, и он заторопился обслужить его.

После непродолжительного разговора вполголоса подвел вновь прибывшего к Каппену. Когда менестрель узнал долговязого парня, пульс у него участился. Культяпка не стал бы без причины сводить его с Гансом, бард и вор терпеть не могли друг друга. Они холодно кивнули друг другу, но не начали говорить до тех пор, пока трактирщик не вернулся с тремя кружками эля.

Когда все трое уселись, Культяпка сказал:

— Что ж, вываливай все, мальчик. Ты утверждал, что у тебя есть новости.

— Для него? — сверкнул глазами Ганс, указывая на Каппена.

— Не важно, для кого. Говори.

Ганс оскалился.

— Я не буду говорить всего за одну проклятую кружку.

— Будешь, если хочешь продолжать ходить сюда.

Ганс прикусил губу. «Распутный Единорог» был местом, необходимым для его ремесла.

Каппен предпочел подсластить пилюлю:

— Я известен Молину Факельщику. Если я смогу услужить ему в этом деле, он не станет жадничать. И я тоже. Скажем так… гм… десять золотых?

Сумма была не царской, но приличной.

— Ну ладно, ладно, — ответил Ганс. — Я осматривался, готовя одно дельце в квартале ювелиров. Под утро появился дозор, и я решил, что мне лучше вернуться домой, но не тон дорогом, какой пришел. Поэтому я отправился Дорогой Храмов, словно хотел заскочить поклониться какому-нибудь божеству. Ночь стояла темная, облачная, именно поэтому я и находился там, где я был. Но, как известно, в некоторых храмах поддерживается огонь в светильниках. Света было достаточно для того, чтобы оглядеться. Никого не было видно. Внезапно я услышал вверху какой-то свистящий, хлопающий звук. Я поднял взгляд и…

Он осекся.

— И что? — выпалил Каппен. Культяпка оставался безучастным.

Ганс сглотнул.

— Не могу поклясться, — сказал он, — было темно, поймите. С тех пор я гадаю, не ошибся ли.

— Что это было? — Каппен стиснул край стола так, что у него побелели пальцы.

Смочив горло, Ганс поспешно заговорил:

— Это выглядело наподобие огромной черной штуковины, вроде змеи, но с крыльями летучей мыши. Оно летело от дома Молина, как мне теперь кажется. А направлялось в сторону храма Ильса. Внизу у чудовища что-то болталось, вроде человеческое тело… или два. Я не стал задерживаться, чтобы присмотреться получше, нырнул в ближайший переулок и стал ждать. Когда я вышел, оно уже исчезло.

Отодвинув эль, он встал.

— Это все, — отрезал вор, — я не хочу вспоминать это зрелище, и если кто будет спрашивать, сегодня вечером меня здесь не было.

— Твой рассказ стоит еще пары кружек пива, — предложил Культяпка.

— Как-нибудь в другой раз, — проворковал Ганс. — Сейчас мне нужна шлюха. Не забудь о десяти золотых, певец.

Неуклюже ступая, вор ушел.

— Ну, — после некоторого молчания спросил трактирщик, — что ты можешь сказать обо всем этом?

Каппен подавил дрожь. Ладони у него были холодными.

— Я ничего не знаю, кроме того, что те, с кем

мы столкнулись, не из нашего мира.

— Ты мне как-то говорил, что у тебя есть средство против колдовства.

Каппен прикоснулся к небольшому серебряному амулету в виде свернувшейся кольцами змеи, который он носил с собой на шее.

— Не знаю. Его много лет назад дал мне один чародей в награду за услугу, которую я ему оказал. Он утверждал, что амулет предохранит меня от заклятий и сверхъестественных сил рангом пониже богов. Но для того, чтобы заставить его служить мне, я должен произнести три правды о наложившем заклятье. Два-три раза я пользовался им и выходил сухим из воды, но не могу доказать, что это произошло благодаря талисману.

Появились новые посетители, и Культяпка вынужден был уйти обслуживать их. Каппен нянчился с элем. Ему нестерпимо хотелось напиться и трактирщик обеспечил бы его для этого всем необходимым, но он не осмеливался. Он и так уже узнал больше, чем, как он считал, могло бы прийтись по душе его противникам, кем бы они ни были. Возможно, у них есть средства узнать это.

Свечи, стоящие на его столе, задрожали. Подняв

глаза, поэт увидел тучного беззубого мужчину в богато украшенной официальной тоге — едва ли подходящем наряде для посещения «Распутного Единорога».

— Приветствую, — сказал незнакомец. Его голос походил на детский.

Прищурившись, Каппен вгляделся в полумрак.

— Кажется, мы с вами незнакомы, — ответил он.

— Да, но мы познакомимся, о да, познакомимся.

Тучный мужчина сел. Подошедший Культяпка принял заказ: красное вино — приличное вино, хозяин, «Жанувед» или «Баладах». Блеснула монета.

У Каппена екнуло сердце.

— Инас Йорл? — выдохнул он.

Тот кивнул.

— Во плоти, во всей своей меняющейся плоти. Очень надеюсь, заклятье снова скоро ударит. Наверное, любая форма будет лучше этой. Я ненавижу иметь избыточный вес. К тому же я евнух. Даже женщиной быть лучше.

— Сочувствую, сударь, — учтиво заметил Каппен. Несмотря на то, что Инас Йорл не мог снять наложенное на него заклятье, он все же был

могучим волшебником, а не простым престидижитатором.

— По крайней мере, меня не переместили насильственно. Можете себе представить, как это раздражает — внезапно оказываться в другом месте, иногда за несколько миль? Сюда я добрался естественным образом, в собственных носилках. Фу, как может кто-то по доброй воле пачкать обувь в этих сточных канавах, которые в Лабиринте зовут улицами!

Подали вино.

— Давайте быстро поговорим о деле, молодой человек, чтобы я смог вернуться домой до начала следующего превращения.

Отхлебнув, Инас Йорл скорчил гримасу.

— Меня надули, — взвыл он. — Это вообще едва ли можно пить!

— Возможно, милостивый господин, всему виной ваше нынешнее горло, — предложил Каппен. Он не добавил, что язык у колдуна определенно был поражен логорреей. Ему было просто мучительно сидеть рядом с Инасом Йорлом, но поэт боялся выводить его из себя.

— Да, вполне вероятно. Все стало не таким вкусным с тех пор, как… Ну да ладно. К делу. Услышав, что Культяпка расспрашивает о событиях про-

шлой ночи, я тоже пустил кое-кого на розыски. Поймите, я пытался узнать как можно больше, — Инас Йорл осенил себя знамением. — Чистая предосторожность. У меня нет ни малейшего желания пересекать дорогу замешанным в это дело силам.

Каппен ощутил леденящее покалывание.

— Вам известно, кто это, и в чем дело?

Его голос дрожал.

Инас Йорл погрозил пальцем.

— Не так быстро, мальчик, не так быстро. Мои последние сведения относятся к твоему безуспешному свиданию с гадалкой Иллирой. Я также узнал, что ты остановился в этой ночлежке и дружен с хозяином. Очевидно, ты замешан в этом деле. Я должен узнать — как, почему, насколько — все.

— И тогда вы поможете мне?..

Колдун покачал головой, и от этого движения у него затряслись щеки и подбородок.

— Разумеется, никоим образом. Я же сказал, что не хочу участвовать в этом. Но в обмен на те сведения, которыми ты обладаешь, я готов истолковать все, что смогу, и дать совет. Предупреждаю: наверняка мой совет будет таким — бросить это дело и, возможно, покинуть город.

«И вне всякого сомнения колдун будет прав», — подумал Каппен. Просто случилось так, что влюбленный не может последовать этому совету… если только — о милостивые боги Каронны, нет, нет! — если только Данлис не мертва.

Весь рассказ выплеснулся из него, поторапливаемый и развиваемый внимательными вопросами. Наконец поэт умолк, переводя дыхание, а Инас Йорл закивал головой.

— Да, похоже это подтверждает мои подозрения, — очень тихо проговорил маг. Он уставился взглядом мимо менестреля, в дрожащие колеблющиеся тени. Шум голосов, звон посуды, редкий взрыв смеха казались более далекими, чем луна.

— Что это было? — вырвалось у Каппена.

— Сиккинтайр, Летающий Нож. Это мог быть только он.

— Что?

Инас перевел взгляд на своего собеседника.

— Чудовище, похищающее женщин, — объяснил он. — Сиккинтайры — символы Ильса. Две статуи, изображающие их, находятся у главной лестницы, ведущей в храм этого бога.

— Да, я видел их, но никогда не думал…

— Нет, ты не поклонник здешних богов. Я же, когда до меня дошел слух о похищении, разослал

на поиски верных людей и прочитал заклинания вопросов. И получил указания… не могу объяснить их тебе, не имеющему колдовских познаний. Я установил, что была нарушена сама канва пространства. Вибрации до сих пор еще не замерли, и центром их является храм Ильса. Можешь представить себе, если тебе нужна грубая аналогия, поверхность воды и волны, затихающие до ряби и растворяющиеся совсем, расходящиеся от того места, где нырнул пловец.

Инас Йорл отпил больше, чем хотел.

— В Илсиге уже много веков существовала цивилизация, когда Рэнке еще была варварским поселением, — сказал он, словно говоря сам с собой, его взгляд снова устремился в даль, во тьму. — Мифы Илсига повествуют, что обитель богов находится за пределами мира — не над ним, не под ним, а за его пределами. Философы позднейшей, более реалистической эпохи развили это в теорию параллельных вселенных. Мои собственные исследования — ты понимаешь, что мое личное состояние заставило меня особенно интересоваться теорией измерении, нюансами геометрии — мои собственные исследования продемонстрировали возможность этих параллельных пространств.

В качестве еще одной аналогии возьмем колоду карт. Одна населена королем, другая валетом, еще одна двойкой и так далее. Обыкновенно ни одна из этих карт не может покинуть лист картона, на котором существует. Однако, если очень тонкий слой абсорбирующего материала пропитать особым растворителем и поместить между двумя картами, краски, которыми они нарисованы, пройдут сквозь листы: думаю, они сохранят свои очертания. На самом деле, конечно же, это далеко не идеальное сравнение, ибо в нашем случае перемещение осуществляется через особое искажение континуума…

Каппен больше не мог выносить пояснений. С грохотом стукнув кувшином по столу, он крикнул:

— Во имя всех адов, всех культов, не могли бы вы перейти к делу?

Сидевшие за соседними столиками, взглянув на него, решили, что драки не будет, и вернулись к своим занятиям, среди которых были и переговоры с проститутками, которые с фонарями в руках вошли в трактир в поисках клиентов.

Инас Йорл улыбнулся.

— Прощаю твою выходку — в данных обстоятельствах, — сказал он. — Я тоже временами

бываю молодым. — И продолжил: — Замечательно. Учитывая все сведения, включая твои, внутренняя структура событий выглядит достаточно очевидно. Тебе известен конфликт по поводу нового храма, который должен будет превзойти храм Ильса и Шипри. Я не утверждаю, что бог сам приложил руку к случившемуся. Я искренне надеюсь, он считает, что это было бы ниже его достоинства; от богоборства нам не будет ничего хорошего, мягко говоря. Но он мог вдохновить на действие нескольких своих самых фанатичных жрецов. Возможно, он открыл им, посредством снов или видений, способ проникнуть в соседний мир и заставить сиккинтайров выполнить это дело. Я смею предположить, что госпожа Розанда и, естественно, ее помощница, ваша возлюбленная — перенесены в тот мир. Храм слишком переполнен жрецами, служками, их приспешниками и простым народом, чтобы там можно было спрятать супругу влиятельного вельможи. Однако врата не должны быть узнаваемы.

Каппену удалось сдержать внутреннюю дрожь и придать натренированному голосу безучастный тон:

— На что они могут быть похожи, сударь?

— О, возможно, свиток, вынутый из шкатулки, где он лежал, позабытый всеми, а теперь развернутый — да, полагаю, теперь он хранится в святилище, чтобы отгонять злые чары от реликвий, и его могут лицезреть лишь посвященные… — Инас Йорл вышел из оцепенения. — Осторожно! Я угадываю твои мысли. Задуши их прежде, чем они погубят тебя.

Каппен провел шершавым языком по сухим губам.

— Чего… нам… ждать, сударь?

— Это интересный вопрос, — сказал Инас Йорл. — Я могу только строить догадки. Но все же я хорошо знаком с иерархией храма и… я не думаю, что Верховный Жрец посвящен в случившееся. Он слишком стар и слаб. С другой стороны, это как раз в духе Хазроя, Старшего Жреца. Больше того, в последнее время он взял управление храмом в свои руки, отстранив своего начальника. Он храбр, безрассуден — ему следовало бы быть воином. Итак, если бы я был на его месте, я бы некоторое время заставил Молина помучиться, а затем начал бы переговоры — сначала намеками, и утверждая все время, что такова была воля Ильса.

Никто кроме Императора не может отменить

строительство храма. На то, чтобы его убедить, потребуется много времени и сил. Молин — рэнканский аристократ старой школы, он будет разрываться между своим долгом перед богом и государством и супругой. Но, подозреваю, со временем он дойдет до того, что согласится, что и правда плохо насаждать культ Саванкалы и Сабеллии в городе, в котором они никогда не почитались. Он, в свою очередь, сможет повлиять на решение Императора.

— Сколько времени, по-вашему, это займет? — прошептал Каппен. — Освобождение женщин?

Инас Йорл пожал плечами.

— Возможно, годы. Возможно, Хазрой попробует ускорить процесс демонстрацией того, какие муки ждут госпожу Розанду. Да, смею предположить, остатки замученной до смерти фрейлины, принесенной к порогу Молина, явятся весьма сильным аргументом.

Его взгляд сконцентрировался на бледном лице напротив.

— Знаю, — сказал колдун, — ты вынашиваешь бредовые мечты героического спасения. Оно невозможно. Даже если предположить, что ты каким-то образом обнаружишь врата и вернешь ее, врата останутся. Сомневаюсь, что Ильс жаж-

дет для себя отмщения, помимо мелочности, это может вызвать открытое столкновение с Саванкалой и его свитой, а это тоже те еще личности. Но Ильс не остановит руку жреца Хазроя, а он очень злопамятен. Если ты избежишь его убийц, за тобой прилетит сиккинтайр, и не найдется места во всем белом свете, где вы с девушкой сможете спрятаться. Твой талисман не спасет тебя. Сиккинтайр — не сверхъестественное существо, если не называть сверхъестественной силу, позволяющую летать такой огромной массе; она исходит не от волшебника, а от бога. Так что ты забудь девушку. В городе их полно.

Порывшись в кошельке, Инас Йорл высыпал на стол пригоршню монет.

— Сходи в бордель, насладись вовсю, и выпей стаканчик за Инаса Йорла.

Поднявшись, он медленно удалился. Каппен остался сидеть, уставившись на монеты. Он смутно чувствовал, что это была солидная сумма, серебряные лунары, штук тридцать.

Подошел Культяпка.

— Что он сказал?

— Я должен оставить надежду, — вымолвил Каппен. Его глаза горели, перед ними все плыло. Поэт сердито потер их.

— Мне почему-то кажется, с моей стороны было бы неумно пытаться услышать больше, — Культяпка положил искалеченную руку на плечо Каппену. — Хочешь напиться? За счет заведения. Мне придется взять у тебя деньги, ибо остальные также захотят бесплатной выпивки, но завтра я все верну.

— Нет, я… спасибо, но… но ты слишком занят, а мне нужно с кем-нибудь поговорить. Если можешь, одолжи мне фонарь.

— Дружище, такой великолепный наряд, как у тебя, может привлечь грабителя.

Каппен стиснул рукоять меча:

— Он будет желанным гостем… то недолгое время, пока проживет, — ядовито заметил певец.

Он встал. Его пальцы не забыли собрать монеты.

Джеми впустил его к себе. Северянин поспешно накинул халат на свое грузное тело. В руке он держал фонарь, отделанный камнем, служивший ему ночником.

— Шш, — сказал он, — красотки спят.

Джеми кивнул в сторону закрытой двери в дальнем конце гостиной. Подняв лампу повыше, он смог яснее разглядеть выражение лица Каппена. Оно потрясло его.

— Эй, парень, что тебя гложет? Я видывал людей, разрубленных бердышом, которые выглядели счастливее.

Перевалившись через порог. Каппен рухнул в кресло. Джеми запер на засов входную дверь, ткнув трутом в светильник, зажег свечи и наполнил бокалы. Пододвинув стул, он сел, положил покрытую рыжими волосами правую лапищу на левое колено и мягко сказал:

— Расскажи мне все.

Когда вся история выплеснулась из Каппена, наступила долгая тишина. На столе блестели доспехи Джеми, а между ними были развешены картинки, выбранные его сожительницами. Наконец. Северянин тихо спросил:

— Ты сдался?

— Не знаю, я не знаю, — простонал Каппен.

— Думаю, ты можешь попробовать, независимо от того, обстоят ли дела так, как сказал твой умник. Там, откуда я родом, считают, что от своей судьбы не убежишь, так что уж лучше встретить предопределенное так, чтобы память об этом сохранилась надолго. К тому же, возможно, наш смертный час еще не настал, я сомневаюсь, что твоих драконов нельзя убить, так или иначе, попробовать будет весело, и, главное, я очень

привязался к твоей девушке. Таких, как она, мало, друг мой. У меня на родине говорят: «Не захочешь, не потеряешь.»

Пораженный Каппен поднял свой бокал.

— Ты хочешь сказать, что я должен попытаться освободить ее? — воскликнул он.

— Нет, я хочу сказать, мы должны, — хмыкнул Джеми. — Жизнь моя в последнее время что-то стала скучноватой — если не считать Бабочку и Жемчужный Свет, конечно. К тому же я найду хорошее применение своей доле награды.

— Я… я хочу, — выдавил Каппен. — Как я хочу! Но все против нас…

— Это твоя девушка, и тебе принимать решение. Не буду винить тебя, если ты отступишь. Значит, тогда в твоей стране не считают, что первейшей обязанностью мужчины является забота о своей жене и детях. А она даже не стала твоей законной супругом.

По телу менестреля пробежала дрожь. Он вскочил и заходил взад-вперед.

— Но что мы можем сделать?

— Что ж, мы можем обшарить храм и разузнать, что есть что, — предложил Джеми. — Я туда захаживал время от времени, так как считал, что мне не повредит воздать почести этим богам.

Возможно, мы поймем, что нам там делать нечего. Или этого не произойдет и смело выполним задуманное.

— Данлис…

В душе Каппена Варры разгорелось пламя. Он молод. Выхватив меч, он начал со свистом размахивать им над головой.

— Да! Выполним!

Не дремлющий в нем грамматик отметил некоторое несоответствие времен и наклонений.

На Дороге Храмов все движение заключалось только в ночном ветре, холодном и свистящем. Ледяные звезды бросали тусклый свет на просторную пустынность дороги, на темные здания, на источенных ветрами и дождями идолов и шелестящие сады. Тут и там блестели беспокойные огоньки, в портиках, коньках и флигелях, в стеклянных светильниках, железных жаровнях и каменных чашах с отверстиями. У подножья величественной лестницы, ведущей к храму Ильса и Шипри, огонь обрисовал силуэты двух громадных фигур в античных одеяниях, мужской и женской, стоящих по краям ступеней.

Сзади возвышалось само святилище: колоннада вдоль фасада, огромные бронзовые двери, гранитные стены, вздымающиеся ввысь к зо-

лотому куполу, на котором также мерцал свет — самой высокой точке Санктуария.

Каппен двинулся вперед.

— Стой, — сказал Джеми, схватив его за плащ. — Мы не сможем войти просто так. Тебе же известно, у входа дежурит стража.

— Я хочу подойти поближе, взглянуть на этих сиккинтайров, — объяснил бард.

— Хм, что ж, возможно, эта мысль неплоха, но давай поторопимся. Если здесь появится ночной дозор, нам несдобровать.

Друзья не смогли бы настаивать на том, что просто пришли поклониться богам, ибо простым горожанам в этом районе не позволяют носить иного оружия, кроме ножа. У Каппена и Джеми было по ножу, зато отсутствовали подобающие честным людям светильники. Вдобавок к этому Каппен имел при себе рапиру, а Джеми короткий меч, остроконечный шлем с забралом и кольчугу до колеи. Помимо этого, он еще взял с собой копья для обоих.

Кивнув, Каппен стал подниматься по лестнице. На середине пути он остановился и приглядел-ся. Статуя являла собой устрашающее зрелище. Сделанная из отшлифованного вулканического стекла, она достигла бы футов тридцати в длину,

если бы хвост не был свернут под узким телом. Две лапы, поддерживающие переднюю часть туловища, оканчивались когтями длиной с клинок Джеми. Изогнутая змеиная шея несла зловещую приплюснутую голову, в приоткрытой пасти которой виднелись клыки, сделанные ваятелем из алмазов. На спине торчали два крыла, как у летучей мыши, только с острыми краями, которые, если их развернуть, заняли бы еще ярдов десять.

— Да-а, — пробормотал Джеми, — такая нечисть смогла бы нести двух женщин так же легко, как орел хватает зайчонка. Требуется много жратвы, чтобы поддержать ее силы. Интересно, на кого они охотятся у себя дома.

— Возможно, мы узнаем это, — сказал Каппен и тотчас же пожалел об этом.

— Пошли.

Джеми повел его вниз и налево вокруг храма. Строение занимало почти все отведенное ему место. За узкой дорожкой, вымощенной плитками, начинался забор, окружающий благоухающее цветами святилище Эши, богини любви. Поэтому узкое пространство было благодатно темным, непрошеные гости теперь стали невидимы с Дороги Храмов. В то же время рассеянного света хватало для того, чтобы они видели, что делают.

Каппен подумал, не означает ли это, что Эши с улыбкой взирает на их предприятие. В конце концов, основной его целью является любовь. К тому же, поэт всегда был пылким поклонником богини — или, по крайней мере, ее подруг в чужеземных пантеонах, чаще, чем кому бы то ни было, приносил им щедрые подношения.

Джеми заметил, что в здании должны быть небольшие двери для служебных целей. Вскоре он обнаружил одну из них, запертую на ночь на засов, расположенную между окнами едва шире щелей, через которые невозможно было протиснуться. Северянин смог бы расщепить деревянные створки, но шум был бы услышан. Каппену пришла мысль получше. Он заставил своего друга встать на четвереньки. Взобравшись на его спину, просунул в окно копье и стал им шарить по двери. После нескольких попыток и произнесенных шепотом непристойностей поэт нащупал засов и отодвинул его.

— Ух, по-моему, ты занимаешься не своим ремеслом, — сказал Северянин, вставая и открывая дверь.

— Нет, на мой взгляд, быть вором-домушником — слишком опасное ремесло, — отшутился Каппен. На самом деле он никогда не крал и не

обманывал, если только кто-то не заслужил подобного обращения.

— Даже если грабить обитель богов? — ухмылка Джеми вышла неестественно широкой.

Каппен поежился.

— Не напоминай мне.

Войдя в кладовую, друзья затворили дверь и начали на ощупь пробираться во тьме. Кладовая выходила в зал. Стоящие далеко друг от друга светильники едва освещали его. Незваные гости увидели лишь пустоту и услышали тишину. Прихожая в храме никогда не запиралась, стража охраняла жрецов, готовых в любую минуту принять жертвоприношения. Но в других местах священники и прислуга спали. По крайней мере двое друзей надеялись на это.

Джеми было известно, что святая святых находилась в куполе, так как Ильс являлся небесным божеством. Теперь он предоставил Каппену идти первым, ибо тот был лучше знаком с внутренним расположением и обладал способностью находить путь с помощью умозаключений. Менестрель употребил на это половину своего ума, едва обращая внимание на роскошное убранство помещений, через которые они шли. Вторая половина была занята воспоминаниями

о легендах, повествующих о том, как герои вызывали гнев богов, особенно верховных, но дело заканчивалось счастливым концом, так как им сопутствовало благословение других богов. Поэт решил, что будущие попытки ублажить Ильса только привлекут внимание этой святейшей личности, однако Саванкала будет доволен, и да, из местных божеств надо будет от всей души отблагодарить Эши.

Несколько раз, как им казалось, отвратительно долго, друзьям приходилось возвращаться после того, как Каппен обнаруживал, что они сворачивают не туда. Однако в конце концов он обнаружил зигзагообразную лестницу, уходящую вверх вдоль наружной стены. Пролет, еще пролет…

Последний выходил в очень маленькую комнату, почти клетушку, однако, богато украшенную…

Отворив дверь, менестрель шагнул…

Ветер рыскал меж колонн, поддерживающих купол, проникал ему под одежду и рвался к костям. Каппен увидел звезды. Они казались ему самыми яркими на небе, так как клетушка была постаментом огромного светильника. В углах площадки, выложенной плитами с незнакомыми

ему символами, поэт увидел еще предметы: алтарь, две статуи, облаченные в золотые одеяния, и, как он предположил, знаменитый Камень Грома. Перед предметом, находившимся с восточной стороны, была натянута лента, дальний конец которой, казалось, сиял.

Собрав все свое мужество. Каппен приблизился. Это оказался кусок пергамента футов восемь длиной и четыре шириной, подвешенный за углы на веревках к капителям колонн. Веревки, вероятно, были приклеены к пергаменту, чтобы не делать в нем отверстий. Нижний край свитка, находящимся в двух футах от пола, был закреплен тем же образом — к двум наковальням, несомненно доставленным сюда для этой цели. Несмотря на это, пергамент трепетал и хлопал под давлением ветра. Он был покрыт каббалистическими письменами.

Обойдя его, Каппен тихо свистнул. В узкой рамке находился пейзаж. За краем того, что могло быть беседкой, тянулись луга, окруженные растущими тут и там могучими дубами. На расстоянии приблизительно в милю — перспектива была соблюдена поразительно — стояло здание, судя по всему, особняк, построенный в стиле, никогда не виденном Каппеном, кроваво-красный, с при-

чудливыми колоннами и затейливыми изгибами крыши и флигелей. Особняк окружал строгий с виду сад, чьи аллеи и стриженые кусты тоже выглядели непривычно. За домом местность начинала подниматься, и на горизонте высились снежные пики. Небо было ярко-синим.

— Ну и ну! — вырвалось у Джеми. — От этой картинки прямо-таки веет солнечным теплом. Я словно чувствую его.

Собравшись с мыслями. Каппен обратил внимание на свои чувства. Да, и тепло, и свет, и… и запахи? И фонтаны, кажется, действуют?

Его охватила чарующая дрожь.

— Я… уверен… мы… нашли врата, — сказал он.

Он осторожно ткнул копьем в лист. Острие не встретило сопротивления, оно просто прошло насквозь. Джеми обошел пергамент.

— Ты не проткнул его, — доложил он. — С тон стороны ничего не торчит — кстати, она твердая.

— Да, — слабым голосом ответил Каппен. — Острие копья находится в другом мире.

Он вытащил оружие назад. Они с Джеми посмотрели друг на друга:

— Ну, — сказал Северянин.

— Лучшей возможности нам не представит-

ся, — ответил за Каппена его язык. — Отступить сейчас будет безумной глупостью, если только мы не собираемся отказаться от всего предприятия.

— Мы… э… мы можем пойти и предупредить Молина — нет, лучше Принца — и рассказать, что мы нашли.

— Чтобы нас упрятали в психушку? А если Принц все же пошлет сыщиков, заговорщикам достаточно просто будет убрать эту-штуковину вниз и спрятать ее до тех пор, пока гвардейцы не уйдут. Нет, — расправил плечи Каппен. — Поступай как знаешь, Джеми, но я иду туда.

В глубине души он от всего сердца сожалел о том, что у него так сильно самоуважение, а также, что он так любит Данлис.

Усмехнувшись, Джеми вздохнул.

— Я полагаю, ты прав. Не ждал я, что дела примут столь головокружительный оборот. Я рассчитывал, что мы просто сходим, осмотримся. Если бы я предвидел подобное, то разбудил бы своих красоток, чтобы… ну, пожелать им спокойной ночи, — он обнажил свой меч, и неожиданно рассмеялся. — Что бы нас ни ждало, скучно не будет!

Переступив через высокий порог. Каппен шагнул через пергамент.

Он словно прошел через дверь и попал в мягкий летний день. Обернувшись, чтобы встретить шагнувшего следом Джеми, он увидел, что на свитке изображен тот вид, к которому он только что повернулся спиной: неясные очертания громадины храма, колонны, звездное небо. Проверив обратную сторону листа. Каппен увидел те же самые знаки, которыми был разрисован его собрат.

Нет, подумал он, не собрат. Если он верно понял Инаса Йорла и правильно помнил то, что рассказывал учитель математики о таинствах геометрии, свиток на самом деле только один. Одной стороной он выходит в эту вселенную, второй — в ту, где он живет, а заклинание исказило измерения так, что материя может проходить из одного мира в другой.

Здесь пергамент тоже был закреплен веревками, но только в беседке из темного мрамора, откуда на лужайку вели круглые ступени. Поэт решил, что сиккинтайр, вероятно, нашел этот проход сложным, особенно, если он был обременен весом двух женщин в когтях. Очевидно, чудовище прижало их к себе, набрало высокую скорость, сложило крылья и пролетело между колоннадой купола во врата. В Санктуарии же оно должно было пробираться ползком.

Все это Каппен сделал и передумал за полдюжины сердцебиений. Крик заставил его оглянуться. Трое мужчин, стоявших на лестнице, заметили происшедшее и бросились наверх. Огромного роста, с суровыми бритыми лицами, в высоких шишаках, золоченых кирасах, черных туниках и сапогах, они были вооружены короткими мечами и алебардами, как стражники храма.

— Эй, нечестивцы, кто вы такие? — крикнул первый из них. — Что вы здесь делаете?

Мальчишеский задор поглотил все колебания Джеми.

— Сомневаюсь, что они поверят хоть одному нашему слову, — сказал он.

— Придется убеждать их по-нашему. Если ты справишься с тем, что слева от нас, я позабочусь о его коллегах.

Каппен был не так уверен. Но у него не было времени на то, чтобы испугаться, трусливой дрожи можно предаваться в более удобный момент. К тому же, поэт был неплохим фехтовальщиком. Подбежав к лестнице, он бросился вниз.

Беда заключалась в том, что он не имел опыта обращения с копьем. Он сделал выпад. Воин с алебардой держал свое оружие, взявшись обеими руками за середину древка. Он ударил ею по

копью, отразил выпад и едва не выбил оружие из рук менестреля. Следующий удар стражника пронзил бы его противника насквозь, если бы менестрель не распластался на мраморном полу.

Стражник промахнулся и, расставив ноги пошире, занес алебарду для рубящего удара. Опуская оружие, он перехватил алебарду за конец древка.

Брызнули осколки. Каппен покатился вниз. Достигнув земли, он прыжком поднялся на ноги. В руке он по-прежнему держал свое копье, на которое натыкался всякий раз, когда перекатывался через него. Часовой с воплем кинулся в погоню. Каппен бросился бежать.

Позади них второй стражник, поднимаясь и падая, бился в затихающих судорогах в невообразимо большой луже яркой крови. Кинув копье, Джеми пронзил его шею. Третий воин бился с Северянином — алебарда против меча. Его оружие было длиннее, но рыжий имел более крепкие мышцы. Над маргаритками раздавались стоны и лязг железа.

Противник Каппена был крупнее его. Поэтому он не мог проворно менять скорость и направление бега. Пока он что есть мочи грохотал за Каппеном в десяти-двенадцати футах позади, тот

молниеносно обернулся и метнул свое копье. Это удалось ему не столь хорошо, как его товарищу. Он попал стражнику в ногу и тот рухнул на землю. Каппен бросился к нему. Он не стал рисковать, пытаясь заколоть воина. Это позволило бы тому попытаться схватить его за ноги. Выдернув у него алебарду. Каппен отскочил назад.

Стражник поднялся на ноги. Каппен подбежал к дубу и зашвырнул на него алебарду. Она застряла в ветвях. Менестрель обнажил клинок. Его враг сделал то же самое.

Короткий меч против рапиры — значительно лучше, хотя Каппену необходимо было действовать внимательно. Грудь его противника была защищена. Но в человеческом теле много уязвимых мест.

— Потанцуем? — спросил Каппен.

Когда они с Джеми приближались к дому, над ними пронеслась тень. Взглянув вверх, друзья увидели вытянутый силуэт сиккинтайра. Какое-то мгновение они оба подумали о худшем. Однако Летающий Нож, поймав восходящий поток, с зловещей величавостью вознесся вверх.

— Сдается, на людей они охотятся только по приказу, — начал рассуждать вслух Северянин. — У медведей и быков мяса больше.

Каппен хмуро взглянул на возвышающиеся перед ним алые стены.

— Следующий вопрос, — сказал он. — Почему нас никто не встречает?

— Хм, смею предположить, те людишки, которых мы разложили там на траве, были здесь единственными, способными держать оружие. Какая у них была задача? Да, не давать дамочкам бежать, если днем им разрешают гулять на улице. Что же до этого домины, то он, конечно, достаточно просторный, но, подозреваю, его одолжили у владельца. В нем нет никого, кроме нескольких слуг, надеемся, женщины тоже здесь. По-моему, никто не имел счастья лицезреть нашу небольшую потасовку.

Мысль, что они могут преуспеть в спасении женщин — легко, безопасно, скоро — головокружительной волной захлестнула Каппена. А потом… Они с Джеми обсудят это. Если верхушку жрецов храма — начиная с Хазроя — немедленно заключить под стражу, проблема мести снимется.

Под ногами шуршал гравий. Воздух благоухал запахами роз, жасмина и жимолости. Весело струились фонтаны. Друзья подошли к главному входу. Дверь была дубовая, со множеством остек-

ленных глазков, дверной молоток был сделан в виде сиккинтайра.

Прислонив к стене копье, Джеми обнажил меч, повернул левой рукой ручку и распахнул дверь настежь. Друзей встретила безлюдная роскошь ковров, обивки, драпировки. Джеми и Каппен вошли. Внутри было тихо, чувствовался запах озона, как перед грозой.

Из-под арки, тускло сияя в полумраке тонзурой, появился человек в черной рясе:

— Мне послышалось… ой! — отпрянув, выдохнул он.

Вытянув руку, Джеми схватил его за шиворот.

— Не так быстро, дружок, — радушно произнес воин. — У нас есть просьба, и если ты ее уважишь, мы не испачкаем пятнами этот чудный ковер. Где твои гости?

— Что? Что? Что? — пробулькал священник.

Джеми встряхнул его, легонько, чтобы не вырвать плечевой сустав.

— Госпожа Розанда, супруга Молина Факельщика, и ее компаньонка Данлис. Проводи нас к ним. Да, и нам хотелось бы никого не встретить по дороге. Иначе, думаю, будет много шума.

Священник потерял сознание.

— Ну, хорошо, — сказал Джеми. — Ненавижу

потрошить безоружных, но будем надеяться, они не окажутся чрезмерно безрассудными.

Он наполнил легкие.

— РОЗАНДА! — завопил он. — ДАНЛИС! ЗДЕСЬ ДЖЕМИ И КАППЕН ВАРРА! ПОЙДЕМ ДОМОЙ!

Громкий звук едва не сбил его товарища с ног.

— Ты сошел с ума? — воскликнул менестрель. — Ты поднимешь всех на ноги.

В его голове сверкнула мысль: если они до сих пор не видели больше стражников, значит, их нет, и ничего материального можно больше не опасаться. В то же время каждая минута промедления увеличивает опасность того, что что-нибудь произойдет. Кто-нибудь в том мире в храме обнаружит следы вторжения, одним богам известно, что может таиться по эту сторону… Да, может оказаться, что решение Джеми было ошибочным, но оно было лучшим из всех возможных.

Появившиеся слуги поспешно ретировались при виде обнаженной стали. А затем… затем…

В дверях появилась Данлис. За руку она вела, точнее, тащила полумертвую от страха Розанду. Обе женщины были прилично одеты, и ни на одной не было следов насилия, но бледность щек и синяки под глазами свидетельствовали о

перенесенном.

Уронив копье, Каппен приблизился к ним.

— Любимая! — воскликнул он. — С тобой все в порядке?

— Физическому насилию мы не подвергались, если не считать само похищение, — спокойно ответила девушка. — Но угрозы по поводу того, что будет, если Хазрой не добьется желаемого, были страшными. Теперь мы можем идти?

— Да, и чем быстрее, тем лучше, — проворчал Джеми, — веди нас, Каппен.

С мечом в руке он пошел последним, по пути подобрав брошенное копье.

Они вышли на садовую дорожку. Данлис и Каппен вынуждены были помогать Розанде двигаться. Пухлая прелесть женщины затерялась в слезах, стонах, причитаниях и периодических вскрикиваниях. Поэт едва обращал внимание на нее. Его взгляд постоянно искал прекрасный профиль возлюбленной. Когда ее серые глаза обратились к Каппену, его сердце превратилось в лиру.

Девушка открыла рот. Поэт ждал, что она изумленно спросит: «Как вам удалось осуществить такое, невероятное, замечательные смельчаки?»

— Что нас ждет впереди? — хотела знать Дан-

лис.

Что ж, закономерный вопрос. Проглотив разочарование, Каппен обрисовал ситуацию. Теперь, сказал он, они вернутся через врата в купол, тайком выберутся из храма и направятся в дом к Молину, где их ждет счастливое воссоединение. Но затем нужно будет действовать быстро: поднять Принца с постели и получить его позволение занять храм и арестовать всех находящихся там людей, пока из этого мира не нагрянула новая напасть.

По мере того, как он говорил, Розанда постепенно обретала самообладание.

— О боги, о боги, — запричитала она, — вы невероятные, замечательные смельчаки.

Ее слова прервались раздирающим уши криком. Беглецы оглянулись. У входа в дом стоял коренастый мужчина средних лет в алой тоге Старшего Жреца Ильса. Мужчина поднес к губам дудку и подул в нее.

— Хазрой! — пронзительно вскрикнула Розанда. — Вожак заговорщиков!

— Старший Жрец… — начала было Данлис.

Ее прервал шум в воздухе. Подняв лицо к небу. Каппен понял, что кошмар становится явью. На них опускался сиккинтайр. Его вызвал Хазрой.

— Ах, так, сукин ты сын! — заревел Джеми.

Он все еще сильно отставал от остальных. Подняв копье, он отвел его назад и метнул изо всех сил. Острие нашло свою цель в груди Хазроя. Ребра не остановили его. Жрец захаркал кровью, упал и замер. Древко закачалось над его телом.

Но огромные крылья сиккинтайра заслонили солнце. Соединившись с остальными беглецами, Джеми вырвал из пальцев Каппена второе копье.

— Поспеши, парень, — распорядился он. — Доставь их в безопасное место.

— Бросить тебя? Нет! — возразил его товарищ.

Джеми выругался.

— Ты хочешь, чтобы все усилия оказались тщетными? Я сказал, поспеши!

Данлис потянула Каппена за рукав.

— Он прав. Губернатору потребуются наши показания.

Каппен двинулся вперед, оглядываясь время от времени.

В тени крыльев сиккинтайра шевелюра Джеми словно пылала. Он стоял намертво, сжимая копье, точно охотник. Разинув пасть, Летающий Нож ринулся на него. Джеми ткнул копье прямо меж челюстей и повернул его.

Чудовище издало свистящий крик. С шумом забив крыльями, оно бросилось вперед, пытаясь поразить человека лапой. Джеми, обнажив меч, отразил удар.

Сиккинтайр поднялся в воздух. Из его горла торчало древко копья. Чудовище распростерло огромные кожистые перепонки, сделало в воздухе петлю и понеслось к земле, вытянув вперед когти. Засвистел ветер.

Джеми стоял не шелохнувшись, с мечом в правой руке, ножом в левой. Когти нанесли удар, и он отбил его кинжалом. Из его бедра хлестнула кровь, но основную часть скользящего удара приняла кольчуга. И заработал меч Северянина.

Сиккинтайр снова закричал. Он попытался взлететь, но не смог: Джеми искалечил его левое крыло. Чудовище приземлилось — Каппен ощутил этот удар ступнями и костями — и обрушилось на Северянина. Из раны вокруг копья со свистом вырвался фонтан крови.

Джеми не отступил ни на шаг. Когда клыки щелкнули, пытаясь схватить его, он отпрянул, затем бросился вперед и навалился плечом на древко копья. Рычаг раздвинул челюсти чудовища. Он скользнул по шее к жизненно важным органам. Оба лезвия Джеми вонзились в спину

чудовища.

Каппен и женщины поспешили вперед.

Они почти достигли беседки, когда топот позади них заставил поэта оглянуться. За ними следом, что есть мочи несся Джеми. Позади него бесформенной тушей валялся сиккинтайр.

Рыжий догнал своих друзей.

— Эй, ну и драка! — задыхаясь выдавил он. — Спасибо за эту прогулку, дружище! За мной вышивка размером с мою благодарность!

Они поднялись по запятнанным смертью ступеням. Каппен всмотрелся в даль. В небесах, со стороны гор, забили крылья. Ужас кинжалом пронзил его внутренности.

— Смотрите! — едва смог прохрипеть он.

Джеми прищурился.

— Еще, — сказал он. — Вероятно, десятка два. Со столькими мы не справимся. С ними не справится и целое войско.

— Этот свист, наверное, был слышен гораздо дальше возможностей смертных, — уверенно добавила Данлис.

— Чего же мы медлим? — простонала Розанда. — Давайте же, ведите нас домой!

— И сиккинтайр последует за нами? — возразил Джеми. — Мет, у меня там девчонки, и

соплеменники, и…

Он остановился перед пергаментом. С зазубренной стали в его руке капала кровь, шлем, кольчуга, одежда, лицо были покрыты красным. Через кровь пробилась кривая усмешка.

— Однажды гадалка сказала мне, что я умру по ту сторону необычного. Готов поспорить, она не знала собственных возможностей.

— Вы полагаете, что цель этих тварей — уничтожить нас, и сделав это, они возвратятся в свои логова, — тон, которым произнесла это Данлис, лучше всего подошел бы к замечанию о погоде.

— Ага, а что же еще? Вся их задача — охота на нас. Но если им придется потрудиться, возможно, они рассвирепеют и обрушатся на весь наш мир. Это тем более вероятно, раз Хазрой валяется мертвый. Кто еще может управлять чудовищами?

— Я о таких и не слышала, а он говорил с нами достаточно откровенно, — девушка кивнула. — Да, нам лучше умереть на месте.

Розанда осела на землю и запричитала. Данлис выказала раздражение.

— Встань! — приказала она своей госпоже. — Встань и встреть назначенное судьбой, как это подобает знатной рэнканке.

Каппен беспомощно вытаращился на нее. Де-

вушка улыбнулась.

— Ни о чем не сожалей, дорогой, — сказала она. — Ты все сделал отлично. Заговор против государства раскрыт.

«Та сторона необычного — шахматная доска — тот тип шахмат, когда левый край доски совпадает с правым, словно игра идет на цилиндре, — все эти мысли пронеслись в голове у Каппена. Летучие Ножи приближались. — Необычные аспекты геометрии…»

Осененный внезапной догадкой, он понял… подумал, что понял…

— Нет, Джеми, мы идем! — крикнул он.

— Единственным результатом чего станут муки невинных? — Великан пожал плечами: — Ни за что.

— Джеми, пусти нас! Я могу закрыть врата. Клянусь, я смогу… клянусь именем… Эши…

Северянин схлестнулся взглядом с Каппеном. Наконец произнес:

— Ты мой брат по оружию.

И отошел в сторону.

— Действуй.

Сиккинтайры были уже так близко, что производимый ими шум достиг слуха Каппена. Он подтолкнул Данлис к свитку. Подобрав юбку и

обнажив прекрасное колено, девушка шагнула сквозь пергамент. Поэт вцепился в запястье Розанды. Женщина зашаталась, она, судя по всему, была не способна сориентироваться, куда ей идти. Схватив ее за руку, Каппен толкнул ее в соседний Мир, чтобы там Данлис вытащила ее. Сам же он отвесил благородной даме увесистую затрещину по заднице. Она исчезла за листом.

Он сделал то же самое. За ним Джеми.

Очутившись под куполом. Каппен поднял высоко вверх свою рапиру и ударил ею. Громко засвистел рассекаемый воздух. Каппен перерубил верхние веревки. Сморщившись и сжавшись, пергамент упал. Бросив оружие, поэт опустился на корточки и развел руки. Он схватил свободные концы свитка. Поднес их к тем углам, которые были по-прежнему закреплены, и крепко прижал их.

Изнутри донеслись чудовищные удары и царапанье. Сиккинтайры, толпясь, вползали в беседку. Для них свиток висел нетронутый, открывая врата для охоты.

Перекрутив концы. Каппен свел вместе края листа.

Таким образом он сделал поверхность только с одним краем. Он уничтожил врата. Мгновение

он думал, что теперь нужно будет утащить свиток, оставляя его сложенным, а затем склеить… если его нельзя будет сжечь. Но в тот самый миг, когда он завершил перекручивание и соединил концы, пергамент исчез. Впоследствии Инас Йорл объяснил, что в таком виде он просто не мог существовать.

Воздух пронесся по тому месту, где были врата, со свистом и треском. Каппену этот звук показался напевом незнакомого слова «Мебиус-с-с».

Вырвавшись незамеченными из храма и отойдя от него на некоторое расстояние, беглецы остановились передохнуть перед тем, как идти в дом Молина.

Это был тупик, отходящий от Дороги Храмов; вымощенная кирпичом дорожка, обсаженная клумбами с цветами, которая вела к храмам двух незначительных и добрых богов. Ветер стих, ярко светили звезды, над крышами на востоке взошел полумесяц, засиявший тусклым серебром. Вдали о своих желаниях голосил кот.

К Розанде частично вернулась способность сохранять равновесие. Она бросилась на грудь Джеми:

— О, герой, герой, — запричитала она, — ты получишь награду, да, богатство, признание, все!

Она плотнее прильнула к Северянину.

— Но ничто не сравнится с моей безграничной благодарностью…

Северянин покосился на Каппена. Бард едва заметно покачал головой. Понимающе кивнув, Джеми высвободился.

— Ух, дамочка, поосторожнее, — сказал он. — Вы прижались к кольчуге, она вся в крови и поту, ничего хорошего от этого не будет.

Даже спасая жен влиятельных сановников, лучше не допускать с ними вольностей.

У Каппена были свои заботы. Он впервые поцеловал Данлис в ее прекрасные губы, затем во второй раз, затем в третий. Девушка надлежащим образом отвечала.

Наконец, она отодвинулась. Лунный свет придал таинственность ее классической красоте.

— Каппен, — сказала она, — перед тем, как мы двинемся дальше, нам нужно поговорить.

Поэт изумленно открыл рот.

— Что?

Данлис сплела пальцы.

— Сначала главное, — отчетливо продолжала она. — Когда мы доберемся до дома жреца и разбудим его, поднимется переполох, затем все будут совещаться, и я — будучи женщиной — буду ис-

ключена из серьезного обсуждения. Поэтому мне лучше изложить свои указания сейчас, чтобы ты их выполнил. И дело не в том, что Молин и Принц дураки, меры, которые необходимо предпринять, по большей части очевидны. Однако, потребуются быстрые действия, а жрец и Принц вначале будут сбиты с толку.

Она перечислила главное.

— Во-первых, как ты сказал, церберы, — ее носик сморщился, выражая неприязнь к этому прозвищу, — отборная имперская гвардия — должны немедленно устроить облаву в храме Ильса и взять для допроса всех там находящихся, кроме Верховного Жреца. Он, по всей вероятности, невиновен, и в любом случае так будет благоразумнее. Возможно, смерть Хазроя устранила опасность, но полагаться на это не следует. В любом случае, остальные заговорщики должны быть выявлены и примерно наказаны.

Во-вторых, мудрость должна сдержать правосудие. Особого вреда причинено не было, если не брать в счет тех несчастных, которые остались в параллельном мире, несомненно, они заслужили такую участь.

Каппен припомнил, что это были одни мужчины. На его лице появилась гримаса сострадания.

Наверняка, их съели сиккинтайры.

Данлис продолжала говорить:

— …человеческое правление и искусство компромиссов. Несомненно, великий храм в честь рэнканских богов необходим, по-ему не обязательно превосходить храм Ильса. Дорогой, твой совет будет иметь большой вес. Преподнеси его мудро. Я буду советовать тебе.

— А? — сказал Каппен.

Улыбнувшись, Данлис накрыла его руки своими.

— Ну как же, после того, что ты сделал, тебе будут оказывать безграничное доверие. Я научу тебя, как пользоваться этим.

— Но, черт возьми, я же не политик! — выдавил Каппен.

Отступив назад, девушка оглядела его.

— Верно, — согласилась она. — Ты доблестный мужчина, это так, но ты легкомыслен и ленив и… Ну да ладно, не отчаивайся. Я поработаю над тобой.

Поперхнувшись, Каппен метнулся в сторону.

— Джеми, — сказал он, — эй, Джеми, я чувствую себя совершенно выжатым, едва стою на ногах. Толку от меня не будет никакого — я буду лишь обузой, когда придет пора действовать быстро.

Лучше я найду койку, а ты проводи дам домой. Поди-ка сюда, я в нескольких словах расскажу, как поведать эту историю. Простите нас, милые дамы. Кое-какие слова вам будет лучше не слышать.

Неделю спустя Каппен Варра пил в «Распутном Единороге». Время было около полудня, и в таверне не было никого, кроме помощника хозяина, чья рана уже зажила.

Мужчина, заполнив дверной проем, вошел внутрь и приблизился к столу Каппена.

— Я повсюду искал тебя, — проворчал Северянин. — Где ты был?

— Залег на дно, — ответил Каппен. — Я нашел местечко в Лабиринте, где пережду до тех пор, пока обо мне не забудут, или я не решу убраться отсюда.

Он хлебнул вина. Косые лучи солнца пробивались сквозь окна, в их тепле плясала золотая пыль, мурлыкала развалившаяся кошка.

— Вся беда в том, что мой кошелек пуст.

— Такие заботы нас долго еще не будут беспокоить, — вытянувшись на стуле, его друг позвал трактирщика.

— Пива! — прогремел он.

— Значит ты получил награду? — жадно спросил менестрель.

Джеми кивнул.

— Ага. Все было так, как ты шепнул мне перед тем, как покинуть нас. Я недоумеваю, почему — это вызвало некоторые затруднения. Но я намекнул Молину, что мысль о спасении пришла ко мне, а ты просто потащился за мной, в надежде на то, что я отстегну тебе несколько реалов. Жрец набил коробку серебром и золотом и сказал, что жалеет, что не может дать вдесятеро больше. Он предложил мне рэнканское гражданство и титул, а также государственную должность, но я сказал, нет, спасибо. Мы с тобой поделим все поровну. Но сейчас выпивка за мой счет.

— Что с заговорщиками? — спросил Каппен.

— А, с этими. Как ты и ожидал, все замяли. Однако, хотя храм Ильса не закрывают, его здорово поприжали, — взгляд Джеми пробежал по столу и заострился.

— После твоего исчезновения Данлис согласилась позволить мне взять на себя честь освобождения женщин. Она-то знает все — Розанда ничего не заметила — но Данлис немедленно нужен был мужчина, чтобы отправить его на совет к Принцу, а никого, кроме меня, не было. Она решила, что ты просто устал. Когда я в последний раз видел ее, однако, она… хм-м… «выразила

разочарование».

Он склонил на бок рыжую голову.

— У тебя отличная девчонка. Я думал, ты любишь ее.

Каппен Варра снова хлебнул вина. Воспоминания о давних урожаях пробежали по его языку.

— Любил, — сказал он. — Люблю. Мое сердце разбито, и отчасти я пью для того, чтобы заглушить боль.

Джеми поднял брови.

— Что? Это какая-то бессмыслица.

— О, в этом есть великий смысл, — ответил Каппен. — Разбитые сердца заживают достаточно быстро. А пока позволь прочесть тебе рондо, которое я как раз закончил:

Каждый клинок печали, направленный на то, чтобы ранить или убить, Моя госпожа с утра умело отбивает.

И все же взываю к богам, чтобы я не оказался тем, кто станет ее мужем!

Я поднимаюсь с постели как можно позднее.

Моя милая приходит ко мне подобно рассвету.

Во тьме я рассуждаю, не случится ли так, что она задержится.